

них, говорит о том, что их логика — это его логика, логика внутреннего мира человека.

1. Марк Аврелий. Наедине с собой. Размышления. / Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий. М., 1995. С. 349.
2. Антология мировой философии. В 4-х т. Т. 1, ч. 2. М., 1969. С. 819.
3. Антология мировой философии. В 4-х т. Т. 1, ч. 2. М., 1969. С. 810.
4. Николай Кузанский. Простец об уме. // Николай Кузанский. Сочинения в двух томах. Т. 1. М., 1979. С. 398.
5. Там же. С. 432.
6. Антология мировой философии. В 4-х т. Т. 1, ч. 2. М., 1969. С. 853.
7. Макиавелли Н. Государь. М., 1990. С. 76.
8. Ницше Ф. Антихристианин. Опыт критики христианства. // Сумерки богов. М., 1989. С. 19.
9. Кант И. Критика способности суждения. // Сочинения. В 8-ми томах. Т. 5. М., 1994. С. 340.
10. Розин В. М. Философия техники. Учебное пособие для вузов. М., 2001. С. 258.
11. Там же. С. 260.
12. Лешкевич Т. Г. Философия науки: традиции и новации. М., 2001. С. 391.
13. Шлегель Ф. Идеи. // Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. В 2-х т. Т. 1. М., 1983. С. 359.
14. Шлегель Ф. Трансцендентальная философия. // Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. В 2-х т. Т. 1. М., 1983. С. 440.
15. Шлегель Ф. Развитие философии в двенадцати книгах. // Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. В 2-х т. Т. 2. М., 1983. С. 165.
16. Шлегель Ф. Критические фрагменты. // Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. В 2-х т. Т. 1. М., 1983. С. 280.
17. Любутин К. Н., Пивоваров Д. В. Диалектика субъекта и объекта. Екатеринбург, 1993. С. 17.
18. Кант И. Критика способности суждения. // Сочинения. В 8-ми томах. Т. 5. М., 1994. С. 155-156, 293.
19. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности (Основные положения, исследования и применение). СПб., 1998. С. 186.
20. Там же. С. 431-439.
21. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. // Ницше Ф. По ту сторону добра и зла: Сочинения. М., 1999. С. 126.

Р. Я. Шляпугина
Чайковский

ЛЮБОВЬ КАК УНИВЕРСАЛИЯ КУЛЬТУРЫ В СИСТЕМЕ ФИЛОСОФСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Всесторонне развитие современного человека требует утончения восприятия им системных отношений личность-коллектив-общество, в которых ему необходимо познать себя неотъемлемой

частью существующего единства. Человеку надлежит не только научиться глубоко воспринимать весь спектр межчеловеческих отношений, но и стимулировать преобразование окружающего мира в направлении творчества, очищенного от несовершенства обыденного образа жизни. И в данном контексте любовь должна стать не только эмоциональным состоянием личности, научившейся отражать красоту и полноту окружающего мира, но и чувствованием, преобразующим мир чистой отношений, являющих идеал следования для других.

В рамках базового курса по философии культуры студенты получают сведения о структурной организации культуры, в частности, о фундамирующих ее глубинных мировоззренческих универсалиях, их гносеологической и аксеологической природе. Углубленное рассмотрение в этом контексте такой мировоззренческой универсалии культуры, как «любовь» с одной стороны, дает большие возможности для демонстрации интегральных закономерностей развития содержания универсалий культуры на конкретно-историческом материале, а с другой — позволяет раскрыть механизмы таких специфических процессов в культуре, как, например, взаимодействие культурных традиций Запада и Востока, соотношение ортодоксального «культурного центра» эпохи и периферических неортодоксальных «культурных локусов», изменение баланса легитимных и нелегитимных поведенческих стратегий в контексте трансформации аксеологического строя культуры и т. п.

Скрупулезная историческая реконструкция развития данной культурной универсалии позволяет не только проследить эволюцию представлений о любви в сознании европейца, но и существенно обогатить тезаурус общекультурных и конкретно-исторических знаний студента, ибо различные подходы в определении понятия «любовь» в истории человечества характеризует полноту собирательного образа любви, специфически проявляющегося на каждом уровне системных отношений.

Важность и сложность явления любви определяется тем, что в ней, как в фокусе, пересеклись противоположности биологического и духовного, личностного и социального, интимного и общезначимого. С одной стороны, половая или родительская любовь включает в себя здоровые биологические инстинкты, общие у человека с животными, и не мыслима без них. С другой стороны, любовь может представлять собой интеллектуальный восторг, возможный только на определенных уровнях культуры.

В древнегреческом языке существовали различные понятия любви. «Эрос» — это стихийная и страстная самоотдача, востор-

женная любовь, направленная на плотское или духовное, но всегда смотрящая на свой предмет «снизу вверх» и не оставляющая места для жалости или снисхождения. «Филиа» — это любовь как дружба, приязнь индивида к индивиду, обусловленная социальными связями и личным выбором. «Сторгэ» — это любовь как нежность, «агапэ» — жертвенная и снисходящая любовь к «ближнему». По сути дела эти четыре разновидности любви представляют собой возможные пути просветления, ведущие к идеальной любви, предмет которой — абсолютное Благо и абсолютная Красота. Но как и в индийской традиции трансцендентные восторги «бхакти» (экстатичной любви) стоят рядом с рассудочным и прагматичным гедонизмом «Камасутры» — необычного «учебника» любовных наслаждений, пытающегося дотошно систематизировать и «рационализировать» отношения мужчины и женщины, так и культуре Древней Греции между плотским «эросом» и абстрактно-духовным «эросом» оставалось мало места для «души», для любви к конкретному, живому, нуждающемуся в помощи, сострадании, уважении.

Христианство выражало в любви сущность бога, который в отличие от богов античной религии, не только любим, но и сам любит всех. Но это была совсем особая любовь как «агапэ», не похожая на чувственный «эрос», ни на дружбу по выбору («филиа»), ни на патриотическую солидарность граждан. Речь шла о жертвенной, «все покрывающей» и безмотивной любви к «ближнему» — не «близкому» по роду или по личной склонности, но к тому, кто случайно окажется близко, и в особенности к врагу и обидчику. Предполагалось, что именно такая любовь сможет побудить любящих принять все социальные дисгармонии на себе и тем как бы отменить их.

Б. Спиноза радикально переосмыслил схоластическое понятие «интеллектуальной любви к богу», выведя его из контекста традиционных представлений о личном боге как субъекте, а не только объекте любви: это центральное понятие «Этики» Спинозы означает восторг мысли перед глубинами мирового бытия, не ожидающей для себя никакой ответной любви из этих глубин. Философия энциклопедистов 18 в., полемизируя против аскетизма, подчеркивала радостную естественность чувства любви. Недооценивая присущие любви возможности трагического самоотвержения, она часто смешивала любовь со «склонностью» и «благожелательностью», а счастье — с гедоническим самоудовлетворением. Коррективы были внесены идущим от Ж. Ж. Руссо движением сентиментализма и «Бури и натиска», подготавливающих романтизм; благодаря этому движению накануне и в эпоху Великой Француз-

ской революции любовь была понята как порыв, разрушающий рамки социальных условностей, воссоединяющий в стихийном единстве то, что строго разделил обычай. (Ф. Шиллер). Романтический идеал любви колеблется между экзальтацией и аморализмом, сливая то и другое воедино; немецкая романтика и общеевропейский «бастронизм» предпринимают реабилитацию легендарного Дон Жуана как носителя тоскующей любви к невоплощенному совершенству, во имя этой любви позволяющего себе систематическую бесчеловечность к «несовершенным» возлюбленным. Эта сторона идеала романтиков была к концу 19 в. доведена до логического предела в доктрине Ф. Ницше «Любовь к дальнему» (в противоположность к «Любви к ближнему»): здесь не место конкретной любви к человеку, который есть, становится внутренне пустая любовь к человеку, которого нет.

Другие, как Ч. Диккенс и Ф. Достоевский, противопоставляют эгоизму принципиальной бесчеловечности любовь как жалость и совесть, любовь как самопожертвование, которая «не ищет своего». Одновременно с этим в пессимистической философии 19 в. ставится задача «разоблачить» любовь, что было спровоцировано экзальтацией романтиков. Для А. Шопенгауэра любовь между полами есть иллюзия, при помощи которой иррациональная мировая воля заставляет обманутых индивидов быть слепыми орудиями продолжения рода.

В философии Маркса любовь трактуется в контексте духовного мира личности, соотношения с обществом. Само понятие личность нельзя мыслить вне ее эмоциональной жизни, одним из важнейших компонентов которой является любовь.

Таким образом, интегрируя все вышесказанные исторические воззрения на суть любви, обосновывается тот факт, что характер проявления любви зависит от уровня сознания культуры сотворчества и опыта единения с миром. Культура — надежда страны и всегда нацелена на будущее. Н. Рерих писал об этом: дума о культуре есть врата в будущее.

В. Д. Шмелев
Екатеринбург

В. В. РОЗАНОВ ОБ ИЗМЕНЕНИИ УНИВЕРСАЛИЙ РЕЛИГИИ

Пореформенная Россия выдвинула немало ярких личностей, стремившихся пересмотреть универсалии религии. Среди них за-